

Другая тропка

Эта тропка в неизвестность,
от бывшего, но куда?

Невесёлая окрестность,
затаённая вода.

Я на ней совсем недавно,
и её я не искал —

вот и ладно, вот и славно,
буду там, куда попал.

Мороза белый край

За производством мнений и идей,
за барством и за рабством, за угрозой,
за беспокойным образом людей,
за всей жизнеподобной позой —
есть белый край январского мороза.

Когда-то бедная вдовица*
к нему прибилась, словно птица,
в свободу прямо с похорон.
Хоромы с четырёх сторон.
Поэт свидетель этой дате:
всё было празднично и кстати.

Стоят дома, и век от века
их к январю заносит снегом,
сугробов рослых ярусы немые
и внемлют магии зимы,
и тихому звучанью человека,
что к свету поднимается из тьмы.

Вокруг дыхание и сказка,
метафизическая маска,
за ней, как будто, плен:
свобода или тлен;
и лентами предвечных ив
свисает иней или миф,
не тронь его — придут в движенье
вертеп и головокруженье.

А Муза неподкупна и сурова:
сломался ритм — и мир лишился крова;
напрасно горбил спину —
стихи пойдут в корзину;
вот так по взгорьям и по склонам
стихи и жизнь живут одним законом.

А где закон — там места нет свободе?!
Но как и подобает воеводе,
он не откроет гостю тайны,
и белый край останется случайным
и мне, и бывшим до меня.
Клубок из тишины и кружев,
намотанный рассветной стужей
проглотит судорога дня.

---

*Перекличка с поэмой Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос».

Однообразие прогулок

*«...и снова лето
вернёт закаты и рассветы
и засекретит пустыки»...*

Давно ушедшие деньки
и молодые ночки,
но эти праздничные строчки
мне сохранил незримый маг
среди старых и пустых бумаг,
и засвидетельствовать можно:
я им внимаю осторожно.

Вот он, приветливый порог
окольных и прямых дорог.
И открывается под небом
страна, где я полвека не был,
за реками и за горами,
там что-то лучшее случилось с нами.
Всё лаконично: лес и поле,
околица, ворота, воля,
усталая крестьянка на закате,
она свободе этой кстати;
как мой земляк** — я здесь о том,
что есть и родина, и дом,
и в них укоренённость...

Я в городе люблю прогулки:
петляют улицы, пылятся переулки,
под тополиной вязью
родное их однообразие,
уроненное взглядом в синеву,
-неву,
-неву,
-неву,
-неву...

У времени своя граница:
что исчезает, а что длится.
Полгода голая природа
прозрачна и стройна, как ода,
но вот апрель, ещё немножко —
и плоть оденется в серёжки,
листвой поманит в тень, а то
заставит застегнуть пальто,
а наверху прикрыться фетром —
лети, душа моя, за ветром!

Увы, судьба не теорема:
ни развернуть, ни доказать,
где обойти, а где связать —
но только там судьбе не тесно,
где ей уместно;
об этом что-то знают ивы,
берёзы и рябины.
Случайна Родина или нет —
то тайна, а в тебе — ответ;
сегодня с ней, а после,
всему свободный, возле.
Такое и до нас бывало,
а нынче прёт девятым валом;
провозглашается привычно:
что красота, как и душа,
и нравственна, и хороша.
Как знать? Но поэтично!

И только синева неистошима!
А жизнь уходит ощутимо,
куда? за истиной? — едва ли,
мы истины... видали.
Но если вдруг случится
упасть или оступиться,
и зашататься под напором
стихии воли и разора —
вот тут-то и держись корнями
под кроною, а не под пнями.

Снаружи — череда режимов,
и после нескольких отжимов
остался жмых — колюч и прост:
вот дом, а вот погост.
Оглядываюсь на успехи:
то пустяки, то вехи,
а если и бывало по-другому —
претензий нет, и потому
я благодарен сердцу моему.